

Любить или быть любимым

Кто любит сам любить, а кто – чтобы его любили. У последнего чаще выражено чувство одиночества, когда ему кажется, что его не любят. Он больше подвержен унынию, он больше эгоист, неудовлетворенный, часто зависимый от мнения людей, больше скован. Когда любишь сам (даже безответно), проявляются лучшие качества души, без любви трудно познать себя. Любящий человек чаще поднимается над обыденностью и несет высокое. «С сегодняшнего дня я вновь стала девственницей» (когда полюбила по-настоящему). Любящий, которому не отвечают взаимностью, как правило, достойно несет свой крест, а это очень важно для воспитания смирения, терпимости и достойной жизни. Но это больше от ума. Хочется быть любимым!

Фанатик или мудрец?

Кто делает открытие? Фанатик или мудрец? Или «мамы всякие нужны»?

Фанатик, который одержим и ограничен своей фанатической идеей и игнорирует другие факты, утверждения и мысли, или мудрец, который пытается одновременно учесть имеющиеся противоречивые утверждения и переменные обстоятельства? Кто из них ближе к истине? Фанатик, как правило, видит одну сторону явления, отбрасывая все другие. Ту сторону, которую он видит, он старается до конца исследовать, войти внутрь, выявить в ней новые закономерности. И при настойчивости и таланте это получается: открывается новая закономерность, важная и кажущаяся на сегодняшний день определяющей. К таким исследованиям, по-видимому, следует отнести законы, открытые Марксом, Фрейдом и многими другими. Со временем другой ученый-фанатик разовьет и выявит закономерности второй стороны этой проблемы, как будто опровергающие исследования первой или дополняющие ее.

Мудрец видит одновременно множество сторон проблемы, он не может фанатично отдаться одной из них. Но без полной отдачи нет внутреннего утверждения своей правоты, нет и самого открытия.

Что же, мудрость бесплодна? Думаю, что это не совсем так.

Мудрец соединяет закономерности разных сторон, видит между ними связь и, может быть, если ему повезет, сумеет сформулировать более общий закон. Может быть, таким мудрецом был Эйнштейн,

который создавал теории, используя нередко чужие факты. Но он фанатично искал закономерности разных явлений, пытаясь найти общий закон. Опять фанатично! Может быть, мудрость относительно бесплодна в экспериментальных исследованиях, когда получают первоначальные результаты? И наоборот, она необходима в решении теоретических вопросов, где на первое место выступают синтез и обобщение уже наработанных данных? Начал я эту запись в предположении, что «мудрость бесплодна», а кончаю на более оптимистической для мудрецов ноте. Но чувствую, что это лазейка от ума.

Что такое профессиональная школа?

Вчера был юбилей одного известного хирурга. Он выступил с очень искренней ответной речью, в которой говорил о научной школе в основном не как о собрании учеников в смысле определенной группы людей, а как об утверждении какой-то определенной концепции. Она влияет не только на своих сотрудников, но и на многих других хирургов. Хирургическая школа – это не только рекомендации, как делать операцию, а утверждение своего подхода к решению профессиональных вопросов, отношению к больному и между собой, к методике мышления.

Научная школа – это определенный стиль работы, определенное мировоззрение, определенный профессиональный образ жизни.

Жест

Жест часто больше и выразительнее совокупности фраз, он может передать самое глубинное, внутреннее. Жест бьет сильнее самой обидной фразы, жест радуется больше самой большой похвалы. Жест есть выражение глубинного подсознательного, ничем не задерживаемого движения души человека, он выражает ничем не прикрываемую сущность, он передает внутреннее движение своего «Я».

Раздвоенность

Я все время задавался вопросом: почему я внутренне хорошо отношусь к этому человеку? Выступление его по профессиональному вопросу, как мне кажется, помогло разъяснить это. В человеке существует сознательный, то есть продуманный, подход и подсознательный, подчиненный внутреннему голосу. Решение, выносимое

человеком, может быть компромиссом между первым и вторым, может быть чисто сознательным или полностью подсознательным. Нередко происходит раздвоение мнений, к которому человек при-выкает, или вообще, если может, не принимает сам решения, при-соединяясь к общему мнению.

Например, артист должен сыграть маршала. Он читает, пред-ставляет себе его, находит внешнее выражение создаваемого обра-за. Обычно получается расхожий образ маршала. Хороший актер пропускает образ маршала через себя, доверяет своему подсозна-нию, и образ маршала становится индивидуальным. Даже кон-кретный маршал, пропущенный через свое внутреннее подсозна-ние, оживает и становится более индивидуальной личностью. Это великое свойство актера, оно есть лишь у немногих.

Наш выступающий, вероятно, счастливый человек, у него со-знание и подсознание не находятся или редко находятся в проти-воречии. Отсюда убежденность, решительность, чувство важности того, что он делает, и убежденность в правильности принимаемого решения. Это делает его цельным, гармоничным и счастливым.

Как выйти из бездны

Ромен Роллан писал: «Там, где невелик нравственный облик, нет великого человека», а Бетховен сказал: «Я не признаю иного признака превосходства, кроме доброты». Сейчас, к сожалению, эти высказывания считают чуть ли не утопическими. Главным сейчас являются материальные ценности. К ним стремятся, добы-вают их силой, обманом, ложью. И все это часто не считается сре-ди людей, претендующих на величие, чем-то порочным. Главное – результат. И эти люди уважаемы, главное, они уважают себя са-ми. Решение всех вопросов они видят в силе и ее безоговорочном применении, хотя внешне стараются соблюсти видимость прили-чия. Такое общество не сможет выздороветь. Болезнь поразила са-мый главный орган – орган сопричастности к другому человеку, своему соседу. Безразличие, возведенное в правило, стало главной чертой. Без морали не будет возрождения, без любви не будет ни-какого экономического подъема. Все обречено на провал, и этот провал обязательно коснется и так называемых сильных мира се-го. Без морали нет человека, без человека нет планеты и ее матери-ального богатства. Только мораль, возведенная в необходимость, может спасти мир.

Врач и больной

Хирург и больной: сострадание или эмоциональная нейтральность? Чуть задержался с больным, проник в его ситуацию, домашние дела, душевное состояние – и трудно провести нужные действия, трудно рисковать, а это необходимо. Нужно абстрагироваться, чтобы сделать то, что надо. С другой стороны, знание больного, его положения, детишек заставляет часто сделать невозможное. Вот так и разрываешься.

Ответ: на грани, в равной пропорции. Если не быть нейтральным, не сможешь выполнить профессиональное должным образом. Если не иметь сострадания, станешь безразличным, и это отразится на профессионализме.

К сожалению, в некоторых странах медицина организована так, что хирург не видит больного после операции, как человек больной хирурга не интересуется. Сострадание абстрактное. Между тем врач должен служить больному до конца с состраданием и с последними средствами помощи: обезболиванием и вселением надежды. Это самая прямая обязанность врача.

Необходим интегральный, «земский» доктор-друг, доктор – личный адвокат, он же специалист-психотерапевт. Он и при раке, и при инсульте, он же почти духовник. Надо специально готовить такого врача. Он идет с пациентом к врачу узкой специальности, он как адвокат: или его нанимает состоятельный пациент, или его выделяют бедным. Разве болезнь для человека меньшая трагедия, чем какая-то экономическая неприятность? Эта фигура врача-адвоката-друга может стать центральной для больного. В такие врачи должны идти, вероятно, верующие люди. Наша Московская медицинская академия может начать выпускать такого врача. Это должен быть интегральный профессионал, имеющий черты социального работника.

Частая ситуация: больной сталкивается с несколькими разными мнениями врачей. Что ему делать? Какое лечение выбрать? Больной начинает метаться, готов слушать кого угодно. А что ему делать? Больной должен ответить и расписаться. При юридических ответах есть адвокат. Обвиняемый не отвечает без адвоката. Какой адвокат у больного? Вероятно, должен быть специальный врач типа адвоката, сопровождающий больного и подсказывающий ему?

Больной должен поверить врачу. Врач, который всегда сомневается, не может внушить больному достаточного доверия. Я предпо-

читаю говорить больному несколько приукрашенную правду или правду не до конца и не выдавать больших авансов. Мне кажется, что больной способен осмыслить свое состояние, поэтому безапелляционные обещания врачей не должны быть убедительны для него. Лучше дать ему подумать, рассказать о его болезни, объяснить решение, выход из положения, чтобы больной добивался его вместе с врачом. Но делать это уверенно, беря основное решение на себя.

В религии есть таинства (причастие, крещение и др.). В медицине тоже должно быть таинство, тогда люди будут больше верить

в нее. Таинство часто действует более убедительно, чем подробное разъяснение.

Трудно рекомендовать один способ общения с больным. Вероятно, самое верное – понять, какой больной сидит перед тобой, и в зависимости от этого употреблять разный стиль. Но опасное это дело. Иногда попадаешь впросак. Перед тобой культурный, понимающий человек, как будто бы здраво относящийся к своей болезни. Ты рассказываешь ему чуть более подробно о предстоящей операции, не совсем скрывая сложности и подводные камни. Лицо его остается спокойным, он твой соучастник, помощник. Мы вместе должны победить его болезнь. А утром звонит его жена и сообщает, что он не спал всю ночь, подавлен, не хочет оперироваться, так как не верит в хороший исход, считает себя приговоренным к смерти. Нельзя поддаваться соблазну полностью брать больного в соучастники. Врач должен брать на себя основную тяжесть совета и решения. Больной должен верить и знать полуправду. Так лучше. Поражаешься, как культурные люди, научные работники, в жизни во многом сомневающиеся и знающие, что абсолютных истин нет, верят твоему слову, с радостью вверяют себя врачу и видят в его словах 100% -ную истину. Я не говорю об эмоциональных деятелях искусств, которые привычно гипертрофируют профессионализм врача, но и ученые склонны полностью верить и не сомневаться. Вероятно, они отбрасывают сомнения, зная, что шлюпка не совсем надежна, но лучшей нет и, главное, не бывает. Вероятно, от этого исходит их уверенность.

Сострадание

Сострадание – это не воспроизведение на себе мук страдающего, это способность отзываться на чужую беду, это соучастие в уменьшении ее. Отзываться умом, сердцем, воображением. Отзывчивость должна быть творческой, она должна вызывать действие. Страдание можно принимать как испытание, тогда оно поднимает, можно принимать как наказание, причем незаслуженное, тогда оно ожесточает. Надо внушить страдающему человеку первую версию, говоря, что он достойно несет свой крест, то есть утверждать, что он уже победитель.

Сострадание действительно, когда оно обращено к конкретному человеку. Сострадать всему человечеству в большинстве случаев значит играть в сострадание.